

Музыкальный фольклор народов Дагестана: структура и художественные особенности

Комплексно анализируется музыкальный фольклор народов Дагестана. Осуществлена стилевая атрибуция и классификация вокального фольклора. Описание состава жанров производится исходя из присущих им закономерностей и понимания жанровой природы самими носителями традиции. Констатируется, что музыкальный фольклор остается явлением своей среды, находясь в тени широко известных самобытных промыслов. Если в области истории, археологии, этнографии, публикации текстов и исследований устно-поэтического фольклора накоплены значительные достижения и открытия, получившие глубокое и всестороннее отражение в работах дагестанских ученых, то в сфере музыкальной фольклористики в течение длительного периода преобладала тенденция к собиранию, накоплению и публикации материалов. Поэтому теоретическое осмысление самобытной традиционной музыкальной культуры Дагестана сегодня своевременно и актуально. Статья подготовлена на основе поисковой экспедиционной работы и связана с анализом традиционного песенного фольклора народов Дагестана. Теоретические положения статьи основаны на данных, полученных в результате сочетания методов полевого собирания, исследования материала и его камеральной обработки. Описание материала осуществляется преимущественно в синхроническом аспекте. Интерпретация результатов анализа позволяет соотнести музыкальный фольклор народов Дагестана с фольклором других народов Кавказа и Закавказья, выявить характер существующих между ними связей: типологических, генетических или контактных.

Ключевые слова: музыкальный фольклор, Дагестан, жанр, классификация, стиль, народная терминология, интонирование

This article provides a comprehensive analysis of the musical folklore of the peoples of Dagestan, providing a stylistic attribution and classification of vocal folklore. The composition of genres is described based on their inherent patterns and the understanding of the genre's nature by the bearers of the tradition themselves. Today, it can be concluded that musical folklore remains a phenomenon of its own milieu, overshadowed by the widespread popularity of indigenous crafts. While significant achievements and discoveries have been accumulated in the fields of history, archaeology, ethnography, the publication of texts, and the study of oral poetry, which have been deeply and comprehensively reflected in the works of Dagestani scholars, musical folklore studies have long been dominated by a mere tendency to collect, accumulate, and publish materials. Therefore, a theoretical understanding of the distinctive traditional musical culture of Dagestan is timely and relevant today. This study is based on exploratory fieldwork and is connected with an analysis of the traditional song folklore of the peoples of Dagestan. The theoretical constructs are based on data obtained through a combination of fieldwork, material analysis, and office processing. The material is described primarily from a synchronic perspective. Interpretation of the analytical results allows us to correlate the musical folklore of the peoples of Dagestan with the folklore of other peoples of the Caucasus and Transcaucasia, and to identify the nature of the connections between them — typological, genetic, or contact-based.

Keywords: musical folklore, Dagestan, genre, classification, style, folk terminology, intonation

Введение

Музыкальный фольклор народов Дагестана в силу этнической многосоставности региона представляет собой феномен в контексте дагестанской традиционной культуры и музыкальной культуры Кавказа в целом.

Исторически сложившееся добрососедство играло консолидирующую роль в сложных внутри- и внешнеполитических ситуациях. Результатом многоуровневых межнациональных связей стало взаимовлияние в фольклоре, проявляющееся в наличии общих жанров и присущих им стилевых признаков. Взаимодействие традиций может также выступать фактором локализации фольклора. При этом жанровая классификация была и остается важнейшей формой упорядочения фольклористических коллекций. Несмотря на значительные достижения в ее разработке, каждому исследователю, изучающему конкретную этническую или региональную традицию, приходится

«примерять» классификации, созданные предшественниками, к своему материалу либо пытаться, учитывая местную специфику, создавать свою классификацию. Поэтому при описании народного устно-поэтического песенного творчества важно учитывать не только его функции, содержательные и структурные признаки, но и специфическое понимание жанра носителями традиции.

В статье в качестве *объекта изучения* представлен музыкальный фольклор народов Дагестана в аспекте родовой и видовой организации.

Цель работы видится в обозначении жанрового состава полиэтнического музыкального фольклора и его идентифицирующих стилевых признаков.

При исследовании темы использован комплексный подход, вытекающий из природы объекта исследования и одного из важнейших качеств фольклора — его «включенности» в систему жизнедеятельности этноса. Методология изучения жанра описана в трудах отечественных ученых [1–7]. В изучении народной музыки мы исходили из принятого в музыкальной этнографии подхода к культуре как целостному феномену, рассматривая жанры фольклора в контексте их бытования в многообразных связях с другими явлениями традиционной культуры. Музыкальный материал, послуживший базой для исследования, записан в экспедициях методом полевого собирания, после чего было выполнено его описание и камеральная обработка. Для выявления стереотипов традиционной культуры народов Дагестана применяется типологический метод и связанные с ним принципы моделирования «единичных фольклорных фактов» [8].

Основная часть

Жанр как основополагающий компонент структуры фольклора

Применение общепринятых моделей построения жанровой системы музыкального фольклора подразумевает их сравнительное изучение. Индивидуальный подход к изучению традиции позволяет эффективно и объективно представить ее специфику [9. С. 52].

Наша классификация выполнена в соответствии с принципами, выработанными учеными на материале родственных культур народов Северного Кавказа [10–18], с учетом народной жанровой и исполнительской терминологии [19].

В соответствии со всем многообразием народно-национальных традиций Дагестана весь корпус музыкального фольклора составляют песни, плачи и инструментальные наигрыши. Генеральным является подразделение двух родов музыкальных форм: воспроизводимых голосом и музыкальным инструментом, т.е. *вокальных* и *инструментальных*. Все вокальные формы обозначают термином «песня» — *далай* (дарг.), *кечI* (авар.), *балай* (лак.), *лирли* (лезг.) и др. Инструментальные наигрыши обозначаются либо общераспространенным арабским термином *макъам* (*maqam*), *макъан* в значении ‘музыка, мелодия’, либо традиционными народными названиями.

Песенные (вокальные) жанры дифференцированы по способам интонирования. В народной терминологии они представлены детализированно такими понятиями, как *далай белчIес* «песню спеть» (дарг.), *сарпамакъ*, *йырламакъ* (*йыр* «петь») (кум.), *лайла рикъес* «колыбельную говорить», *лайлаварес* (*лайла* «сказать») (дарг.), *айтмакъ* «говорить, сказывать» (кум.), *къакъари баркъес*, *агы*, *луала*, *лужели*, *чIиллай* «кричать, рыдать, плач сделать», *деза даркъес* «хвалу сделать», *хIязли виркъес* «играть» (дарг.), *кIудияб кечI* «большая песня» (т.е. исполняется громким голосом на открытом пространстве) (авар.). Эти понятия образуют первый иерархический ряд.

В следующем иерархическом ряду понятия, определяющие бытовое предназначение песен. Определения последних складываются, как правило, из двух частей: постоянной: *далуйти* (дарг.), *балайрду* (лак.) — и переменной, характеризующейся приуроченность к какому-либо виду деятельности или связанной с определенными лицами: *гIадатла далуйти* — обрядовые песни, *бузерила далуйти* — трудовые песни, *гардла далуйти* — укачивающие (колыбельные) песни, *нешла далуйти* — материнские песни (дарг.).

Другой ряд терминов используется носителями традиции для обозначения жанров, связанных с обстоятельствами исполнения. Эти песни идентифицируются по содержанию:

- **даргинские:** *масхарала далуйти* — шуточные песни, или *масхара-дукелцИла далуйти* — песни-насмешки; *гъабзачила далуйти* — песни о героях; *гъалаб заманала аңцІбукъуни сипатдарибти далуйти* — песни, в которых описываются события прежних времен; *дигайла далуйти* — любовные песни; *далуйти пикруми* — песни-размышления; *шишим-аңцІкыла далуйти* — песни печали и грусти;
- **аварские:** *рагзул, кьалул кучІдул* — шуточные песни; *къиса* (букв. «повествование») — балладная песня;
- **лакские:** *вирттаврахасса балайрду* — шуточные песни; *мащинул балайрду* — хуторские песни; *лахы балай* — длинная песня.

Жанровые группы идентифицируются также по бытовому предназначению, стилистике, характеру и манере исполнения, т.е. по основаниям, отражающим художественные особенности музыкальных жанров. По бытовому предназначению все жанры отнесены к обрядовым, не приуроченные сгруппированы в соответствии с принадлежностью к тому или иному поэтическому роду и тематическим группам. Последние выделены носителями традиции и имеют жанровые определения. Ввиду того что некоторые жанры (колыбельные и трудовые), относимые по традиции к приуроченным внеобрядовым песням, в даргинском, лакском, аварском фольклоре, к примеру, выполняют как прикладную (бытовую) функцию, так и ритуальную, мы сочли возможным включить их в группу обрядовых. В строгом смысле обрядовыми они не являются, но в контексте свадебного и календарного обрядов бытуют мужские заздравные песни, шуточные песни и музыка к танцам.

Обрядовые и внеобрядовые жанры разделяются на мужские и женские, что вполне соотносимо с устройством общины, укладом жизни, менталитетом, где оппозиция «мужское/женское» выступает в качестве основополагающей. Это разделение проецируется на традиции народной музыки, проявляясь не только в закреплении за названными группами определенного репертуара, но также в поэтике и музыкальной стороне песен. Стилистическое разграничение в приуроченных жанрах обусловливается фактором адресата.

Вокальная и инструментальная музыка в контексте обрядов имеет четко закрепленные функции. В вокальных жанрах оппозиция мужского и женского выражена особенно отчетливо, проявляясь не только в репертуаре, темброво-регистровых различиях, но и в ограничении совместного певческого общения. Женщины пели лишь в своем обрядовом кругу, во время исполнения какой-либо работы или на досуге. Здесь пение выполняло ритуально-магическую, фатическую или организующую трудовой ритм функции.

Жанры танцевальной инструментальной музыки связаны по преимуществу с моментально ритуального или праздничного объединения половозрастных страт и общин — тухумов¹, джамаатов². Контактная, коммуникативная функция в них выступает на первый план.

Из жанров в контексте свадьбы оказались жизнеспособными и актуальными свадебные песни о семейном благополучии и счастье. Так, у аварцев бытует обрядовая песня *матахI босув кечI* (букв. «песня переноса вещей»). В контексте свадебного цикла она исполняется женщинами в неторопливом темпе в такт шага, под аккомпанемент бубна.

¹ Тухум у дагестанцев — патрилинейное родовое объединение, состоящее из нескольких семей, происходящих от одного общего предка; одна из древних форм кровно-родственных объединений горцев. — *Примеч. ред.*

² Джамаат — объединение группы мусульман, созданное для совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой. — *Примеч. ред.*

Известны свадебные песни, исполняемые от лица свекрови в момент подхода невесты к дому жениха. Такая величальная песня записана нами в селении Мекеги Левашинского района Дагестана:

Шевелись, шевелись, || Такой у нас обычай, || Шевелись, белая, как сало, || Такой у нас обычай. || Улицу,
по которой тебя поведут, || От камней очистила, || И в комнате, куда тебя заведут, || Пыль кругом протерла,
|| Шелковый большой ковер || Под ноги постелила, || С золотыми рогами корове || Ухо надрезали для тебя³. ||
У нашей невесты || Пусть будет сила, как у блохи, || Невестин жених || Пусть прославится, как шах⁴.

Свадебные величания поют на особые лирические напевы, которые сами информанты обозначают как *никалай далуйти* — «николаевские» (времен Николая I), т.е. старинные, характерные также для необрядовой лирики.

Другую группу образуют свадебные песни танцевального характера — песни под пляску, исполняемые, когда идут вслед за невестой и ведут ее в дом жениха. Кумыкские мужские хоровые песни *боза-йыр* традиционно звучали в свадебном обряде во время шествия за невестой или после ее прибытия.

К группе приуроченных жанров примыкают задравные, застольные мужские песни, например *деза* у даргинцев (букв. «честь», «хвала»). Поют их поочередно, как бы передавая друг другу эстафету, часто под аккомпанемент струнного щипкового инструмента — пандура, агач-кумуза, мандолины, чунгура или гармони.

В группе обрядовых жанров выявляются все формы исполнительства: сольное, коллективное (хоровое), сольно-групповое (респонсорное) и сольное в сопровождении музыкального инструмента. В обрядах родового цикла, в частности в свадебном, сохраняются многообразные варианты лезгинки — парные и сольные танцы в сопровождении музыкальных инструментов. Присутствуют формы коллективного танца, как, например, у кумыков: коллективный свадебный танец под многоголосный хор мужчин. У каждого народа, даже в отдельных селениях, есть свои танцевальные мелодии, получившие всеобщее распространение: *чаргу*, *кыссу*, *суйдум-таяк*. Некоторые танцы сохранили название местности, где они возникли: акушинский, амугинский, кубачинский, харбуksкий. Мужские танцы с элементами акробатики, требующие определенных физических навыков, связаны с отголосками социального института мужских союзов, существование и распространенность которых в районах Дагестана и, шире, на Кавказе подробно описаны российскими и дагестанскими учеными [20. С. 147–172; 21; 22]. Например, кубачинский мужской союз *гулала-аку-букон* («союз неженатых») известен традициями театральных костюмированных представлений и бытованием танца на согнутых ногах (*тангацIуцI*) и коллективного танца (*тягьтIунг*). В культуре Кавказа в целом представлены разные жанры и формы танца и танцевальных мелодий к ним, в том числе мужские коллективные танцы.

Героические сказания о богатырях-нартах бытуют у многих народов Кавказа: у адыгов (абхазов, адыгейцев, кабардинцев, черкесов), вайнахов (чеченцев, ингушей), осетин. Нартский героический эпос в певческой форме в музыкальном фольклоре дагестанцев нами не зафиксирован. В художественном наследии народов Дагестана зафиксированы сюжеты о нартах в прозаических формах — в сказках, легендах и преданиях. Образ нарта присутствует в лирических песнях, балладах, плачах, как, например, в плаче о сыне, записанном нами в с. Мекеги Левашинского района Дагестана:

ЛайдакIиле шишимте,
Шараб хIулбе дужуте,
ХIебалас далайишал
Савла дугела нартлис?

Отбросив горести,
Ясные глаза выпивающие,
Может, мне спеть
Утреннему джигиту?⁵

³ Невеста не входила во двор, пока навстречу ей не выведут корову. В знак того, что животное принадлежит девушке, корове надрезали кончик уха — делали метку. В комнату невеста не входила, пока свекровь не постелет перед ней ковер.

⁴ ПЗА в 2000 г. в с. Мекеги Левашинского р-на Республики Дагестан. Информант Султанбекова Муминат, 1936 г.р.

⁵ ПЗА в 2000 г. в с. Мекеги Левашинского р-на Республики Дагестан. Информант Магомедова Патимат, 1917 г.р.

Эпические песни носители традиции определяют так: *гъалаб заманала анцIбукъуни сипатдарибти далуйти* «прежних времен события, описываемые песнями» (дарг.); *ттатахъал балайрду* «песни дедов», *хъуни балайрду* «большие песни», *хъхычIавасса балайрду* «старинные песни» (лак.); *йыр* (кум.); *батыр йырлар* «сказания о богатырях» (ног.); *къелул кечI* «героические песни», *къиса* «балладная песня» (авар.). Балладные песни являются вокально-инструментальным жанром. Их поют мужчины в сопровождении музыкального инструмента — чунгура, агач-кумуза, пандура, домбры. Инструментальное сопровождение, как правило, дублирует вокальную партию и задает ритм, оказывающий влияние на ритмику песенного напева.

В лиро-эпических песнях декламационное начало выражено в обилии звуковых повторов, соотношении стиха и напева по принципу «слог/нота», равномерном ритмическом движении, узком звуковом объеме напева, энергичной манере произнесения текста, подвижном темпе. К этому прибавляется повторность и динамичное инструментальное сопровождение с танцевальной ритмической основой.

Мелодическая композиция складывается из мелодико-ритмических повторений — нисходящих «террасных», поступенчатых смещений. Как нам представляется, именно ритмический рисунок является важным выразительным средством эпической песни. В ней нет протяжных, орнаментально распетых напевов. Простые, даже однообразные ритмы дают динамичное развертывание, не отвлекая внимание от содержания текста.

На эпические жанры, в частности на балладу, значительное воздействие оказала песенная лирика. Это отразилось на структуре стиха и его музыкальной ритмизации.

Современное бытование лирических песен не имеет строгой приуроченности. Для определения лирических песен народные певцы используют понятия: *рокъул кучIдул* «песни о любви» (авар.); *дигаила далуйти* «любовные песни», *шишимти анцIкыла далуйти* «грустные печальные песни», *далуйти пикруми* «песни-размышления» (дарг.); *толгавлар* «печальные думы» (ног.). Любовная лирика присутствует в женском и мужском песенном репертуаре. Это песни, воспевающие возлюбленную, песни о разлуке, о неразделенной любви. Мужчины поют о героях — *рагъул*, *къалул кучIдул* (авар.), *гIахIгъобзачила* (дарг.), воспевая их мужество и смелость.

С одной стороны, основы мелодической линии песен коренятся в динамике контура речевой интонации. С другой — мелодика отражает преобладание в пространственных представлениях дагестанцев вертикального пространственного вектора, характерного для кавказских народов в целом, что соотносимо с мифологическими моделями пространства — горой, деревом жизни. Разумеется, архетипы сознания имеют материальную основу в специфике горного ландшафта и обусловленных им способов террасного устройства жилищ и полей.

Заключение

Из двух компонентов песенного искусства наибольшей ценностью обладают поэтические тексты песенных жанров. Что же касается напевов, то их стилистические особенности связаны с уровнем исполнительской культуры информантов. В тех случаях, когда в ходе экспедиционной работы или во время смотров народного художественно творчества удается фиксировать подлинных мастеров вокального и инструментального исполнительства, музыкальная сторона песен по своим достоинствам нисколько не уступает поэтической. Специфические черты жанра в контексте всего родового цикла и традиции характеризуются манерой исполнения, типом интонирования и артикуляцией.

Музыкальный фольклор народов Дагестана отличается разнообразием музыкальных традиций, генетически связанных с культурами других народов Кавказа и Закавказья. Многоголосное мужское хоровое пение кумыков, их героические песни стоят в одном ряду с аналогичными фор-

мами фольклора адыгов, балкарцев, вайнахов, карачаевцев и осетин. У лезгин развита традиция складывания народными профессиональными музыкантами дастанов⁶, вокально-инструментальных мугамов⁷, что соотносит их творчество с азербайджанской и иранской музыкальной культурой.

Однако в музыкально-поэтическом творчестве народов Дагестана есть особые черты, которые проявляются в идентичности многих обрядов, в родстве песенных жанров, сюжетов и тематики и в природе мелоса.

При характеристике жанров национального фольклора в целом, как правило, выявляется какой-либо главенствующий жанр, который стал таковым в силу исторического развития и специфики культуры. У осетин, адыгских и тюркских народов это героический эпос о нартах, у народов Дагестана — многообразие лирических песен.

Литература

1. Земцовский И.И. К теории жанра в фольклоре // Советская музыка. 1983. № 4. С. 61–65.
2. Земцовский И.И. Лирика как феномен народной музыкальной культуры // Песенная лирика устной традиции: науч. ст. и публикации. СПб.: РИИИ, 1994. С. 9–22.
3. Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора // Русская литература. 1964. № 4. С. 58–76.
4. Колпакова Н.П. Русская народная бытовая песня / АН СССР; Институт русской литературы (Пушкинский Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 282 с.
5. Балашов Д.М. О родовой и видовой систематизации фольклора // Русский фольклор. Т. 17: Проблемы «Свода русского фольклора». Л.: Наука, 1977. С. 24–59.
6. Рахаев А.И. Народно-песенное искусство Балкарии и Карачая: дис. в виде науч. доклада д-ра искусствоведения. СПб., 1996. 67 с.
7. Рудиченко Т.С. Новые подходы к практическому освоению традиционной этнической культуры // Музыка и музыкант в меняющемся постсоветском пространстве: к 40-летию Ростовской консерватории: сб. ст. Ростов н/Д.: Изд-во РГК, 2008. С. 183–192.
8. Гиппиус Е.В. Проблемы ареального исследования традиционной русской песни в областях украинского и русского пограничья // Традиционное народное музыкальное искусство и современность. М.: ГМПИ им. Гнесиных, 1982. С. 6–13.
9. Рудиченко Т.С. Жанровые системы музыкального фольклора: подходы к построению // Южно-Российский музыкальный альманах. 2021. № 2. С. 52–59.
10. Аишхотов Б.Г. Многоголосие адыгов: архаические формы коллективного пения // Музыкальная академия. 2003. № 2. С. 148–154.
11. Налоев З.М. У истоков песенного искусства адыгов // Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е.В. Гиппиуса. М.: Советский композитор, 1980. С. 7–26.

References

1. Zemtsovskii I.I. K teorii zhanra v fol'klore // Sovetskaia muzyka. 1983. No. 4. S. 61–65.
2. Zemtsovskii I.I. Lirika kak fenomen narodnoi muzykal'noi kul'tury // Pesennaiia lirika ustnoi traditsii: nauch. st. i publikatsii. St. Petersburg: RIII, 1994. S. 9–22.
3. Propp V.Ia. Zhanrovyyi sostav russkogo fol'klora // Russkaia literatura. 1964. No. 4. S. 58–76.
4. Kolppakova N.P. Russkaia narodnaia bytovaia pesnia / AN SSSR; Institut russkoi literatury (Pushkinskii Dom). Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962. 282 s.
5. Balashov D.M. O rodovoi i vidovoi sistematzatsii fol'klora // Russkii fol'klor. T. 17: Problemy "Svoda russkogo fol'klora". Leningrad: Nauka, 1977. S. 24–59.
6. Rakhaev A.I. Narodno-pesennoe iskusstvo Balkarii i Karachaia: Dis. v vide nauch. doklada d-ra iskusstvovedeniia. St. Petersburg, 1996. 67 s.
7. Rudichenko T.S. Novye podkhody k prakticheskomu osvoeniiu traditsionnoi etnicheskoi kul'tury // Muzyka i muzykant v meniaiushchemsia postsovetском prostranstve: k 40-letiiu Rostovskoi konservatorii: sb. st. Rostov n/D.: Izd-vo RGK, 2008. S. 83–192.
8. Gippius E.V. Problemy areal'nogo issledovaniia traditsionnoi russkoi pesni v oblastiakh ukrainskogo i russkogo pogranich'ia // Traditsionnoe narodnoe muzykal'noe iskusstvo i sovremennost'. Moscow: GMPi im. Gnesinykh, 1982. S. 6–13.
9. Rudichenko T.S. Zhanrovyie sistemy muzykal'nogo fol'klora: podkhody k postroeniiu // Iuzhno-Rossiiskii muzykal'nyi al'manakh. 2021. No. 2. S. 52–59.
10. Ashkhotov B.G. Mnogogolosie adygov: arkhaischeskie formy kolektivnogo peniia // Muzykal'naia akademiia. 2003. No. 2. S. 148–154.
11. Naloev Z.M. U istokov pesennogo iskusstva adygov // Narodnye pesni i instrumental'nye naigryshi adygov / pod red. E.V. Gippiusa. Moscow: Sovetskii kompozitor, 1980. S. 7–26.

⁶ Дастан — эпическое произведение в фольклоре или литературе Ближнего и Среднего Востока, Юго-Восточной Азии. Обычно дастаны — фольклорная или литературная обработка героических мифов, легенд и сказочных сюжетов. — *Примеч. ред.*

⁷ Мугам — один из основных жанров азербайджанской традиционной музыки, многочастное вокально-инструментальное произведение. Также мугам — общее название ладов азербайджанской музыки. — *Примеч. ред.*

12. Пашина О.А. Картографирование и ареальные исследования в этномузыкологии // Картографирование и ареальные исследования в фольклористике: сб. тр. Вып. 54 / сост. О.А. Пашина. М.: РАМ им. Гнесиных, 1999. С. 6–22.

13. Соколова А.Н. Феномен адыгской музыки // Этюды по истории и культуре адыгов. Майкоп: Меоты, 1998. С. 74–78.

14. Халидова М.Р. Устное народное творчество аварцев. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2004. 335 с.

15. Халилов Х.М. Песенные жанры фольклора народов Дагестана // Жанры фольклора Дагестана. Махачкала: [б.и.], 1979. С. 5–26.

16. Абакарова Ф.О., Алиева Ф.А. Очерки устно-поэтического творчества даргинцев. Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1999. 258 с.

17. Аджиев А.М. Устное народное творчество кумыков. Махачкала: [б.и.], 2005. 425 с.

18. Юсупов Х.А. Обрядовая поэзия даргинцев. Махачкала: Деловой мир, 2009. 180 с.

19. Абдуллаева Э.Б. Вокальный фольклор народов Дагестана: исследование и материалы. Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН, 2025. 200 с.

20. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. 223 с.

21. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: мужские союзы в социальной традиции горцев Кавказа. СПб.: Кунсткамера, 1996. 312 с.

22. Булатова А.Г. Традиционные праздники и обряды народов горного Дагестана в XIX — начале XX века. М.: Наука, 1988. 197 с.

12. Pashina O.A. Kartografirovaniye i areal'nye issledovaniia v etnomuzykologii // Kartografirovaniye i areal'nye issledovaniia v fol'kloristike: sb. tr. Vyp. 154 / sost. O.A. Pashina. Moscow: RAM im. Gnesinykh, 1999. S. 6–22.

13. Sokolova A.N. Fenomen adygskoi muzyki // Etiudy po istorii i kul'ture adygov. Maikop: Meoty, 1998. S. 74–78.

14. Khalidova M.R. Ustnoe narodnoe tvorchestvo avartsev. Makhachkala: IIAI DNTs RAN, 2004. 335 s.

15. Khalilov Kh.M. Pesennyye zhanry fol'klora narodov Dagestana // Zhanry fol'klora Dagestana. Makhachkala: [b.i.], 1979. S. 5–26.

16. Abakarova F.O., Alieva F.A. Ocherki ustno-poeticheskogo tvorchestva dargintsev. Makhachkala: Izd-vo DNTs RAN, 1999. 258 s.

17. Adzhiev A.M. Ustnoe narodnoe tvorchestvo kumykov. Makhachkala: [b.i.], 2005. 425 s.

18. Iusupov Kh.A. Obriadovaia poeziia dargintsev. Makhachkala: Delovoi mir, 2009. 180 s.

19. Abdullaeva E.B. Vokal'nyi fol'klor narodov Dagestana: issledovanie i materialy. Makhachkala: IIAI DFITs RAN, 2025. 200 s.

20. Shilling E.M. Kubachintsy i ikh kul'tura. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1949. 223 s.

21. Karpov Yu.Yu. Dzhigit i volk: muzhskie soiuzy v sotsial'noi traditsii gortsev Kavkaza. St. Petersburg: Kunstkamera, 1996. 312 s.

22. Bulatova A.G. Traditsionnye prazdniki i obriady narodov gornogo Dagestana v XIX — nachale XX veka. Moscow: Nauka, 1988. 197 s.

Абдуллаева Эльмира Башировна,

кандидат искусствоведения,
заведующий отделом истории искусств
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)

Abdullaeva Elmira B.,

Ph.D. in Art Criticism, musicologist, Head of the Art History Department
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

<https://orcid.org/0000-0002-2050-0518>

e-mail: elklas@mail.ru

Гамидов Тимур Саидович,

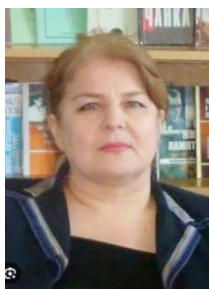
кандидат искусствоведения, старший научный сотрудник
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)

Gamidov Timur S.,

Ph.D. in Art Criticism, Senior Researcher
G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)

<https://orcid.org/0009-0002-8599-4683>

e-mail: gamidow.timur@yandex.ru

Ахмедова Зарипат Абдуллаевна,

научный сотрудник

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)**Akhmedova Zaripat A.,**

Researcher

G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)<https://orcid.org/0009-0005-5850-0053>

e-mail: zaripat.akhmedova.63@internet.ru

Саидова Анжела Саидовна,

научный сотрудник

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук (Махачкала, Россия)**Saidova Angela S.,**

Researcher

G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of
the Dagestan Federal Research Center of
the Russian Academy of Sciences (Makhachkala, Russia)<https://orcid.org/0009-0001-0787-9906>

e-mail: Sanjela8@yandex.ru

*Статья поступила: 01.03.2026**Принята к печати: 26.04.2026*